
УДК 316.2

DOI: 10.31249/rsoc/2022.04.09

РАРЕНКО А.А.* СОЦИОЛОГИЯ В ЯПОНИИ. (Обзор)

Аннотация. В обзоре рассмотрены истоки формирования социологии в Японии, освещается ее современное состояние, показана специфика социальных отношений и социальной организации, характерная для японского общества. Особое внимание уделяется социологическому изучению социальных движений в Японии в последнее десятилетие.

Ключевые слова: социология в Японии; национальная идентичность; процессы глобализации; социальные движения.

Для цитирования: Раренко А.А. Социология в Японии. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. – 2022. – № 4. – С. 135–144. DOI: 10.31249/rsoc/2022.04.09

RARENKO A.A.** Sociology in Japan. (Literature review)

Abstract. The review considers the origins of the formation of sociology in Japan, highlights the current state of Japanese sociology, shows the specifics of social relations and social organization characteristic of Japanese society. Special attention is paid to the sociological study of social movements in Japan in the past decade.

---

* Раренко Андрей Алексеевич – младший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: andrejj97@rambler.ru

** Rarenko Andrey Alekseevich – Junior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. E-mail: andrejj97@rambler.ru

Keywords: sociology in Japan; national identity; globalization processes; social movements.

For citation: Rarenko A.A. Sociology in Japan. (Literature review). Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2022. – N 4. – P. 135–144. DOI: 10.31249/rsoc/2022.04.09

Началом японской социологии принято считать 1878 г., когда американский философ Э. Фенеллоз прочел лекцию по социологии в Токийском императорском университете. Слово «социология» было переведено на японский язык как «гунгаку», что буквально означает «наука о коллективе». Спустя некоторое время для обозначения социологии в японском языке стали использовать другое слово – «сякайгаку», что обозначает «наука об обществе». Важными вехами в развитии этой научной дисциплины в стране восходящего солнца стали переводы на японский язык работ Г. Спенсера и О. Конта.

После Второй мировой войны развитие японской социологии в значительной мере определяли идеи Т. Парсонса, особенно его теория структурного функционализма, которую можно рассматривать как социологию модерна. К основным американским социологическим концепциям, которые были и остаются популярными среди японских социологов, можно отнести теорию социального действия, теорию социальных изменений, феноменологическую социологию и структурный функционализм. Развитие социальной науки в этой стране осуществлялось силами исследователей, которые были тесно связаны с национальной традицией; при этом основные функции социологии – когнитивная, социально-управленческая, критическая и идеологическая – были востребованы в японской социологии, поскольку отвечали конкретным социальным запросам японского общества.

В настоящее время в мировом научном сообществе растет интерес к восточноазиатской социальной науке, в том числе – к развитию японской социологической мысли. Последняя характеризуется сегодня несколькими доминирующими направлениями: компаративистская социология, гендерная социология, социология

молодежи, изучение национальной социологии, анализ социальной, этнической и культурной идентичности.

Одним из признанных японских социологов, в том числе и за пределами страны, является Эйдзи Огума (Университет Кэйо, г. Токио), работы которого посвящены проблемам национальной идентичности, колониальной политике, послевоенной демократической мысли, студенческому движению 1968 г., а также системе трудовой занятости Японии. Лауреат семи премий за научные публикации Эйдзи Огума был удостоен также национальной премии в области кинематографии – как автор документального фильма об антиядерном движении и последствиях аварии на АЭС «Фукусима» в 2011 г. Его основные работы «Генеалогия представлений японцев о себе» и «Границы Японии» были переведены на английский язык¹.

Во введении к специальному выпуску журнала *International sociology*, посвященному социологическим исследованиям в Японии, Огума отмечает особую популярность этой общественной науки в стране восходящего солнца [Oguma, 2021]. Японское социологическое общество насчитывает более 3600 членов, что составляет около 10% от общего числа социологов в мире. Как подчеркивает автор, исследования японских социологов мало известны в других странах, поскольку большинство работ написано на родном языке, а количество академических статей по социологии, опубликованных в международных журналах на английском языке авторами с японскими именами в период с 1990 по 2009 г. составило всего 0,91% от общего числа статей, написанных японскими социологами. В этой связи Огума предлагает обзор ряда статей своих коллег-соотечественников, которые, по его мнению, позволяют судить об основных тенденциях развития современной социологии в Японии.

По данным исследования, проведенного автором, за период с 2006 по 2019 г. слово «социология» упоминалось в 4927-ми публикациях [Oguma, 2021, p. 143]. Социология в Японии всегда рассматривалась как доступная академическая дисциплина, которая

---

¹ Oguma E. A genealogy of “Japanese” self-images. – Melbourne : Trans pacific press, 2002; Oguma E. The boundaries of “the Japanese” : in 2 vol. – Melbourne : Trans pacific press, 2014. – Vol. 1 : Okinawa 1818–1972 : inclusion and exclusion.

не требует специальных знаний для интерпретации статистики, поэтому социология развивалась в одном ряду с такими гуманитарными науками, как литература, философия и история.

Проблемы, которые являлись приоритетными для японских социологов, являются следствием двойной структуры японского общества как такового, о чем еще в 1930-е годы писал известный британский экономист Артур Льюис. Согласно Льюису, так называемая модель «двух секторов» совмещает в себе черты традиционного и современного обществ. Традиционное общество состоит из государственных учреждений и крупных предприятий; современное – из самозанятых фермеров, микропредприятий, неоплачиваемых семейных работников, непостоянных работников, или поденщиков. В современном секторе японского общества рынок труда был закрыт для тех, кто не вписался туда сразу после получения среднего или высшего образования; в свою очередь, работники традиционного сектора могли войти в современный сектор только в качестве временных. Большинство работников современного сектора в Японии составляли образованные мужчины, а в традиционном секторе были заняты в основном женщины, пожилые люди и подростки.

Несмотря на то что двойственная структура японского общества очень похожа на двойственную экономику в других западных странах, Япония не подверглась колонизации и имела огромный внутренний рынок. Можно сказать, полагает Льюис, что в этой стране менеджеры компаний рассматривают престижное университетское образование потенциальных работников скорее как функциональную подпрограмму, которая подтверждает их потенциал на будущее, нежели в качестве гарантии владения знаниями и практическими навыками, необходимыми для работы.

В статье Шигеки Сато, профессора социологии факультета социальных наук Университета Хосэй (г. Токио), содержится обзор социологических теорий, получивших распространение и признание в современной Японии [Sato, 2021]. По мнению Сато, японская социология всегда испытывала влияние европейских и североамериканских научных сообществ. Так, благодаря веяниям современной французской философии, в Японии получил широкое распространение постмодернизм. Национальная интеллектуальная тенденция в 1980-х годов была отмечена попытками ряда япон-

ских социологов разработать постмодернистскую социологическую теорию или коренным образом пересмотреть концепцию модерна в современном социальном знании. Центральными темами современной японской социологической теории стали индивидуализация, рефлексивность и современное общество в целом. Выдающиеся европейские социологи, такие как Энтони Гидденс, Ульрих Бек и Зигмунт Бауман, хорошо известны в Японии, их труды скрупулезно изучались, а они сами были признаны «гуру» теории позднего модерна, известной также как концепция «второй» современности.

Среди японских социологов наших дней особым влиянием пользуются социологические теории (позднего) модерна, разработанные Ёске Кото, Масатака Катагир и Такеши Миками (несмотря на то, что теоретические взгляды этих исследователей и круг их профессиональных интересов существенно различаются). Особого внимания, по мнению Сато, заслуживают исследования Ёске Кото, который известен как автор теории «гибридная современность». Карьера Ёске Кото началась с изучения трудов Макса Вебера, оказавших глубокое влияние на японского социолога. В своих основных работах («Социология современности: от постмодерна к глобализации», 2006 и «Влияние глобализации: социологическая теория в концепции современного мира», 2011) Кото анализирует различные аспекты современности с веберовской исторической и социологической точек зрения. Центральное место в концепции Кото принадлежит понятию гибридной современности: автор утверждает, что современная Япония является характерно «гибридной», т.е. в культуре современной Японии «уживаются» элементы как традиционной культуры, так и современной. Однако гибридность, возможно, как раз и является одной из главных особенностей постмодерна [Sato, 2021, p. 149].

В статье Наото Хигучи (Школа гуманитарных наук, Университет Васэда, г. Токио) «Исследования общественного движения в Японии после 3.11: социологический анализ» отмечается, что социальные движения в Японии долгое время носили слабо выраженный характер: согласно статистике, в 2020 г. Япония заняла 32-е место среди 34 стран по доле граждан, когда-либо принимавших участие в протестах – при том, что в 1970 г. в стране имели место массовые выступления рабочих и студентов за мир (антиядерные

движения и демонстрации в защиту окружающей среды). Количество протестов в первой половине 1990-х годов сократилось до 1/4 и 1/8 от числа протестов в 1970-е годы, соответственно. В отличие от большинства западных стран, где студенческие протесты имеют заметный социальный резонанс, молодежные волнения в Японии были восприняты обществом как травмирующее событие: безрассудное поведение студентов, закончившееся террористическими действиями, стало причиной своеобразной фобии по отношению к общественным движениям среди японцев [Higuchi, p. 184]. Тем не менее, японские социологи сегодня с большим интересом изучают социальные движения, как в своей стране, так и за рубежом. В частности, объектом исследовательского интереса Хигучи являются подъем нативистских движений и возрождение массовых протестов после Великого восточно-японского землетрясения и аварии на АЭС «Фукусима», произошедшего 11 марта 2011 г.

Как отмечает автор, текущее десятилетие отмечено первым с конца 1970-х годов циклом новых протестов в стране. Первое из них было связано с антиядерными протестами, которые были спровоцированы аварией на АЭС «Фукусима». Масштабные протесты носили спорадический характер и пошли на спад уже осенью 2011 г. В июле 2012 г. цикл протестов достиг своего первого пика по численности участников: антиядерному движению удалось привлечь около 200 000 демонстрантов. Несмотря на то, что в 2013 г. антиядерное движение пошло на убыль, за ним очень скоро последовало движение против закона о безопасности, вызванное недовольством фундаментальными изменениями оборонной политики страны. Протесты достигли своего второго мобилизационного пика летом 2015 г., причем число протестующих против закона о безопасности было почти сопоставимо с числом участников антиядерных демонстраций [Higuchi, p. 184].

Возрождение социальных движений в японском обществе вызвало противоречивые реакции со стороны социологов, отмечает Хигучи. С одной стороны, эта тема привлекла внимание молодых исследователей за пределами Японии. С другой – японские социологи не спешат реагировать на рост национальных протестов, за исключением нескольких групп исследователей, которые предприняли эмпирический анализ социальных движений последнего десятилетия [Higuchi, p. 184].

Исключением можно считать полевое исследование антиядерных демонстраций Эйдзи Огума. Эта работа стала продолжением его неугасающего интереса к теме протестных движений в Японии. Огума также снял документальный фильм об антиядерном движении, о чем говорилось ранее, в котором автор продемонстрировал симпатию к активистам. По мнению создателя фильма, подобные протестные акции способны коренным образом повлиять на ядерную политику правительства страны.

Большинство антиядерных протестов последних лет являются продолжением предыдущих движений. Эти исследователи также подчеркивают, что треть всех антиядерных движений была создана после трагических событий 11 марта 2011 г.; новые движения, менее долговечные, чем организации, возникшие ранее, принесли с собой новые тактики: новички использовали возможности Интернета и расширяли число участников антиядерного протеста. Антиядерные движения нового образца также сыграли решающую роль в деле мобилизации участников и распространения информации, непосредственно не связанной с антиядерной темой, что привело к всплеску социальной активности во время протеста против закона о безопасности [Higuchi, p. 186].

Крупномасштабный онлайн-опрос, связанный с исследованиями европейских движений против жесткой экономии, проведенный в 2020 г. социологами, показал, что, хотя протестные выступления были спровоцированы такими кризисами как великая рецессия и ядерный кризис, профили участников демонстраций существенно различались. Демографические и социально-экономические переменные, отличные от индикаторов возраста и пола, были слабо связаны с участием в демонстрациях после 11 марта 2011 г.; гораздо важнее оказался политико-идеологический фактор. При этом, согласно социологическим опросам, именно левые сильнее всех отреагировали на землетрясение, и они с большей вероятностью присоединялись к движению. Примечательно, что японские социологи не считают это движение кардинально новым, подчеркивая роль ветеранов – участников демонстраций прежних лет и акцентируя непрерывность социальных протестов, имевших место до и после событий 11 марта 2011 г.

Хигучи отмечает, что с точки зрения Огумы рост популярности антиядерных протестов обусловлен присоединением к ним

все большего числа новых действующих лиц из разных сегментов японского общества. Другие японские социологи придерживаются точки зрения, согласно которой социальные движения в современной Японии носят самореализующийся характер: даже разовое участие в антиядерных протестах существенно повышает шансы на участие в последующих акциях по обеспечению безопасности, которые в свою очередь привлекут новых участников следующей волны. Другими словами, согласно этой логике длительная пауза в проведении массовых протестов в Японии была частично вызвана отсутствием самих протестов [Higuchi, p. 186].

В последнее десятилетие в Японии также наблюдался рост массовых правых движений, ранее неизвестных в стране. Эти недавно возникшие радикальные правые движения включают антифеминистские кампании и кампании, направленные против корейцев в Японии. Эти движения мобилизовали гораздо меньшее число людей, чем движения за антиядерное законодательство, но при этом привлекли пристальное внимание социальных исследователей [Higuchi, p. 186]. В статье отмечается, что одним из первых исследований в этом ключе стала работа группы социологов феминистской направленности (2012), которые провели полевые исследования негативной реакции на феминизм в Японии в 2000-е годы [Higuchi, p. 186]. Исследовательницы отмечали, что деятельность религиозных правых прочно укоренилась в местных сообществах; местные движения упорно сопротивлялись актуализации гендерных вопросов.

Еще одна тема, которую признают актуальной современные японские социологи, касается подъема в стране нативистского движения. Считалось, что движения такого рода привлекают представителей социально- и экономически неблагополучных групп, но исследования показали, что в них участвуют выходцы из самых разных слоев японского общества. Хотя у нативистов не было локальных социальных сетей, Интернет служил альтернативной мобилизующей структурой, что позволило им организовать новое движение в Японии в 2000-е годы. По мнению некоторых социологов, за подъемом активизма нативистов в Японии стояли меняющиеся враждебные дискурсы правого истеблишмента в отношении Китая и Кореи [Higuchi, p. 186]. Анализ материалов интервью показывает, продолжает автор статьи, что мотивы нативистов и

причины их вовлечения в праворадикальные движения вполне очевидны: их предвзятость объясняется ортодоксальными консервативными ценностями (предпочтение традиционным семьям и враждебность к соседним странам), которые связывают правых радикалов и правый истеблишмент. Праворадикальное движение Японии следует рассматривать как «внепарламентского союзника консервативного истеблишмента», резюмирует автор. В этом смысле оно существенно отличается от европейских движений подобного рода, которые рассматриваются в качестве контркультурных либо направленных против истеблишмента [Higuchi, p. 191].

Подводя итоги, Хигучи отмечает, что на изучение общественного движения в Японии значительное влияние оказал застой активности в стране: «Не только граждане Японии, но и ее исследователи забыли, как вести себя во время массовых протестов» [Higuchi, p. 191]. Длительное отсутствие массовых протестов в Японии также привело к неоднозначным оценкам нынешних протестных движений в стране со стороны нового поколения социологов, родившихся после краха студенческих движений начала 1970-х годов. «Некоторые молодые исследователи были заражены циничным отношением к социальным движениям в предыдущих исследованиях, считая, что с такими движениями трудно бороться, в то время как другие изо всех сил пытаются выявить положительные аспекты прошлых движений» [Higuchi, p. 191]. На протяжении последнего десятилетия негативное отношение японских исследователей к массовым демонстрациям протеста было обычным явлением, тем не менее социальный протест является постоянным элементом жизни японского общества, который социологи изучают как «нормальное» явление [Higuchi, p. 191].

Резюмируя, следует сказать, что несмотря на то что социология в Японии появилась и развивалась под влиянием западных и северно-американских теорий, она характеризуется интересом к своей национальной самобытности. Становление и развитие японской социологической мысли нельзя считать имитацией западных и американских социологических концепций.

Список литературы

Oguma E. An indigenized sociology in a dual-structure society : an introduction to the special issue on sociological studies in Japan // *International sociology*. – 2021. – Vol. 36, N 2. – P. 143–147. – DOI: 10.1177/02685809211005337

Sato S. Modernity, postmodernity, and late modernity : a review of sociological theories in contemporary Japan // *International sociology*. – 2021. – Vol. 36, N 2. – P. 148–159. – DOI: 10.1177/02685809211005345

Higuchi N. Social movement studies in post-3.11 Japan : a sociological analysis // *International sociology*. – 2021. – Vol. 36, N 2. – P. 183–193. – DOI: 10.1177/02685809211005349

References

Oguma E. An indigenized sociology in a dual-structure society : an introduction to the Special Issue on Sociological Studies in Japan. *International sociology*. – 2021. – Vol. 36, N 2. – P. 143–147. – DOI: 10.1177/02685809211005337.

Sato S. Modernity, postmodernity, and late modernity : a review of sociological theories in contemporary Japan. *International sociology*. – 2021. – Vol. 36, N 2. – P. 148–159. – DOI: 10.1177/02685809211005345.

Higuchi N. Social movement studies in post-3.11 Japan : a sociological analysis. *International sociology*. – 2021. – Vol. 36, N 2. – P. 183–193. – DOI: 10.1177/02685809211005349.